

УДК 82-31

**«ПАРФЮМЕР» П. ЗЮСКИНДА КАК ВЫЗОВ
ИСТОРИИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Е. О. Зобнина¹

Научный руководитель: Т. В. Казарина, д.ф.н., профессор

Ключевые слова: ирония, романтизм, барокко, просвещение

Одним из ярчайших явлений литературного процесса конца двадцатого века стал роман Патрика Зюскинда «Парфюмер» («Das Parfum»), изданный в Швейцарии в 1985 году. Благодаря этому роману П. Зюскинд добился такой мировой известности, какой в немецкой литературе последними пользовались Т. Манн, Г. Бёлль и Г. Грасс.

В романе речь идет о юноше, Жан-Батисте Гренуе, который с рождения обладает невероятно острым, недоступным простым смертным, обонянием. Он мечтает научиться парфюмерному делу и однажды создать абсолютный аромат, перед которым не устоит ни один человек. Дабы осуществить задуманное Жан-Батистидет на все, в том числе и на убийства.

Из всего многообразия отзывов наиболее интересным было высказывание известного немецкого литературного критика Уве Виттштока (Uwe Wittstock). Он утверждал, что известнейшее творение Зюскинда является прекрасно замаскированным путешествием по истории литературы, и делал особый упор на немецкий романтизм. Однако «Парфюмер» – это не просто путешествие, это настоящая оплеуха таким титанам литературы и культуры, как барокко, просвещение и романтизм. Аргументы, приведенные для подтверждения этого высказывания, строились на основе структурно-типологического метода.

Первое направление – романтизм. Автора интересует проблема творческой индивидуальности и творчества в целом, культ гения, который долго и кропотливо взращивался немецкими романтиками. На произведениях немецких писателей можно поэтапно проследить эволюцию образа гения, его расцвет и увядание. Как известно, в Германии этот культ оказался невероятно живучим и, наконец, в XX веке в восприятии миллионов людей воплотился в ужасающей и мистической фигуре Гитлера, став идеологией.

П. Зюскинд безжалостно и педантично расправляется с культом, применяя излюбленный прием постмодернизма – «use and abuse», «использование и оскорбление», то есть употребление какой-либо традиции, темы, сти-

¹ Елена Олеговна Зобнина, студентка группы 5241-450301D, email: el.zobnina2017@yandex.ru

ля и демонстрация ее несостоятельности. Зюскинд критикует традиционные представления об оригинальности и исключительности творческой личности, являя миру Гренуя.

Второе направление – Просвещение. Данная эпоха и все ее культурное наследие играет в романе очень важную роль. Жизнь родившегося 17 июля 1738 года Жан-Батиста Гренуя приходится на расцвет идей эпохи Просвещения.

Помимо всего прочего, просветители верят, что гений не может использовать свои способности во зло, а воспитание и обучение ведут к добродетели. Зюскинд сделал все, чтобы его герой опроверг эти догмы. В понимании Жан-Батиста «чувственность наглухо отделена от морали. Поэтому преступление, даже самое страшное, не может осознаваться в системе этических категорий». Кроме того, Гренуя является пародией на еще одну идею эпохи Просвещения, а именно пародией на «естественного человека».

Не стоит забывать про еще одного персонажа, который так же, как и Гренуя стал инструментом в руках Зюскинда для насмешки над идеями Просвещения. Маркиз де ла Тайад-Эспинасс — эксцентричный создатель «флюидальной теории». С помощью этого персонажа, Зюскинд выражает крайне недоверчивое отношение к эпохе Просвещения.

Последнее направление – это барокко. Персонаж, который воплотил в себе особенности барокко – Джузеппе Бальдини, известный французский парфюмер. Не обладая никакими творческими талантами в столь тонком и сложном ремесле, он умело носил маску непревзойденного маэстро и долго скрывал факт своей некомпетентности. В этой театральности и бесконечном стремлении добиться чего-либо в этом жестоком мире, где человек всего лишь песчинка, и проявляются черты барокко.

Ирония Патрика Зюскинда просвечивает в самом конце истории о Джузеппе Бальдини. Получив от Гренуя сотню рецептов непревзойденных духов, тот счастливо засыпает в своей кровати, не подозревая о том, что в ту же ночь будет навеки погребен под развалинами собственного дома.

Таким образом, игру Зюскинда с литературной традицией можно назвать своего рода протестом против возвеличивания каждого из литературных направлений. Как всякое явление постмодернистской культуры, роман П. Зюскинда стремится к эстетическому плюрализму. Мир слишком многогранен и дисгармоничен, чтобы рассматривать его с одной вершины, поэтому возведение чего-либо в культ изначально нецелесообразно.